

ФИЛОСОФЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Юбилейные штудии

К юбилею Пиамы Павловны ГАЙДЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОЛЬ П.П. ГАЙДЕНКО

И.А. МИХАЙЛОВ

В этом году мы празднуем юбилей Пиамы Павловны Гайденко — человека, которому удалось оказать серьезное влияние на развитие философии в нашей стране¹. Каждый изданный ею труд становится источником такого влияния и продолжает свою невидимую работу над умами и спустя много лет после того, как был опубликован.

В начале 60-х гг., благодаря работам П.П. Гайденко, в отечественной мысли получил «постоянную прописку» целый пласт проблем, связанных с проблемами свободы и этической ответственности ученого: немецко-французская традиция экзистенциализма стала важнейшим дополнением к начавшейся в СССР «оттепели». Для многих в то время ее работы приобретали совершенно особый смысл: они становились знаменем, вдохновлявшим на борьбу с идеологией. Какой оказалась бы та эпоха без подобного дополнения и сопровождения? История показывает довольно отчетливо: без интеллектуально-духовного сопровождения революции «слепы». Работы Пиамы Павловны об экзистенциализме и С. Кьеркегоре стали первым ее значительным вкладом в отечественную философию². Основой для обращения к проблемам экзистенциализма послужила диссертация П.П. Гайденко о М. Хайдеггере (1962), первая в нашей стране. С этих пор немецкий философ станет одним из ее главных оппонентов в споре о природе философии. Сделав акцент на экзистенциальной философии К. Ясперса и также идеях российских мыслителей рубежа XIX – XX вв., Гайденко существенно расширила горизонт нашего понимания экзистенциализма³.

В 60-х гг. начинается и необычайно важная просветительская деятельность П.П. Гайденко как автора и редактора «Философской энциклопедии»⁴. Ее публикации в этом издании были энциклопедическими работами в изначальном смысле этого слова. В том, в котором французские просветители XVIII в. предлагали не упрощенно-популярное знание, но определенное *видение* и систематизацию проблем. Таковы, к примеру, статья о смерти или концептуально-важные статьи о нигилизме, о проблеме существования, Ортеге-и-Гассете, Достоевском и Хайдеггере, — во всех случаях речь шла о ключевых фило-

софских проблемах. Сейчас трудно оценить, в каком случае философ в те годы вносил большой вклад в наше философское самообразование: тогда ли, когда предлагал научную концепцию или когда обращался к более широким читательским кругам. В любом случае, вклад Пиамы Павловны был достаточно весомым. В 60-е гг. она стала одной из тех, чьими усилиями российская философия сумела найти новый язык для обсуждения философских проблем.

Вторым важнейшим событием в отечественной философии, за которое мы должны благодарить Пиаму Павловну, стал фундаментальный двухтомный труд «Эволюция понятия науки» (1980, 1987)⁵. Свидетели и непосредственные участники философских дискуссий 60 — 70-х гг. знают, что в те два десятилетия российские философы предложили сразу несколько плодотворных направлений исследований науки — от логики науки до комплексных теорий развития научного знания⁶. Открытое Пиамой Павловной направление от этих линий существенно отличалось. Его иногда называют историко-философским. Пожалуй, это не вполне верно. С самого начала П.П. Гайденко ставит задачи более глубокие: «Раскрыть содержание понятия науки... невозможно, не обращаясь к более широкой системе связей между наукой и обществом, наукой и культурой: наука живет и развивается в тесном контакте с культурно-историческим целым»⁷. Науку предлагается рассматривать именно в системе культуры, П.П. Гайденко говорит даже об «обмене веществе» между наукой и обществом. На мой взгляд, это отчасти разъясняет специфику ее подхода. «Волна “методологизма” вполне может лишиться философию всякого предметного содержания», — замечает она в связи с обозначившимися еще к началу XX в. опасностями⁸. Наука и научная культура выступают в качестве одного из лейтмотивов западной цивилизации.

Все это показывает также, в каком смысле между работами П.П. Гайденко об экзистенциализме и ее работами по эволюции научного знания нет непроходимой пропасти. Конечно, в западноевропейской культуре — в первую очередь под влиянием естествознания — сформировалась определенная система критериев и идеалов научной объективности, согласно которой ценностная нейтральность считалась одним из основных условий поиска истины. Но с каждой следующей книгой Гайденко становилось все более ясно: обращаясь к этому, казалось бы, достаточно далекому друг от друга темам, она решает некую более масштабную задачу в философии. Дело ведь заключалось не в том, чтобы в работах о человеке и его экзистенции высветить «субъективное», позднее дополнив эту линию исследований анализом «объективного», «научного». Гайденко неизменно ищет смысловые «коды», инварианты культуры. В одном случае они могут быть сфокусированы на бытии человека, а в другом — на таком концентрированном выражении культуры как наука, научное знание. Два тома труда «Эволюция понятия науки» словно рассказывают о нашей общей истории, истории европейской культуры, через одну объединяющую идею — идею науки, тем самым находя общий язык, своего рода «эсперанто» для различных областей нашей культуры.

Деятельность философа далеко не часто завершается текстами, которые могут с одинаковым интересом быть восприняты специалистами разных дисциплин⁹. Однако двухтомная «Эволюция понятия науки» — текст как раз такого рода. Пиама Павловна нашла язык и степень детализации проблем, которые сделали эту книгу одинаково интересной как для философов, так и для представителей других наук. Уверен, за десятилетия, последовавшие за выходом этого труда, математики и физики могли обнаружить в обоих томах немало того, что существенно обогащает представление об основах их собственных дисциплин. Решающую роль в этом сыграла ясность и отчетливость языка — качество, о важности которого не раз говорила и сама Пиама Павловна. Однако ясность формулировок во многом связана с личным талантом автора. Между тем, в этом стиле есть еще кое-что, указывающее на понимание П.П. Гайденко своих задач в философии. Стиль изложения ее работ почти исключительно проблемно-логический: автор оперирует достаточно большими взаимосвязанными блоками проблем, каждый из которых, разумеется, имеет свои ответвления. Выделяя главное, Гайденко умеет не вдаваться в излишние частности: речь ведь идет о становлении *научных программ*¹⁰. Вероятно, с этим связано необычайно экономное использование биографического в ее работах по истории науки и культуры. Талант такого письма — не редкость среди хороших философов. Но в сочетании с обширными пластами подключаемого материала (вспомним об *обмене веществ* между наукой и обществом!) он встречается, все же, не так часто. Наиболее близкий аналог к «Эволюции понятия науки» — четырехтомный труд Э. Кассирера «Проблема познания в философии и науке Нового времени». Можно гадать, насколько этот стиль связан с личностью вполне конкретного ученого. Однако работы *именно такого* жанра наиболее успешно преодолевали разорванные предыдущими десятилетиями связи между российской и европейской культурами¹¹.

Целый ряд факторов: глубокое знание материала, выбранный ракурс и стиль изложения, — все вместе приводит к необычному эффекту: тексты П.П. Гайденко превращаются в «классические» для специалистов, одновременно становясь основным, опорным учебным изданием для студентов и аспирантов, хотя писались с исследовательскими, а не с учебными целями¹².

Для российского философа 60 — 80-х гг. открыть новую область исследований зачастую означало не только предложить собственную ее интерпретацию, но и сделать доступными те основополагающие тексты, благодаря которым эта проблематика вообще может стать вполне понятной. Первый перевод Пиамы Павловны стал ее дипломной работой: важнейший документ эпохи немецкого идеализма, «Иенская реальная философия» Гегеля, вошел впоследствии в корпус главных изданий немецкого мыслителя¹³. Еще до появления «Эволюции понятия науки» П.П. Гайденко фактически осуществила «философскую реабилитацию» И.Г. Фихте¹⁴, этого столь неудобного для советской идеологии немецкого классика; издание работ мыслителя вышло несколько позднее.

В начале 90-х гг. творческий союз П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдова предложил необычайно важное расширение поля философской рефлексии в направлении *социологии*. Оно было ориентировано на творчество Макса Вебера, но сохраняло преемственность вопросов, поставленных философами (И.Г. Фихте и К. Ясперс)¹⁵. Если в западном мире связь специализированной философской и социологической мысли имеет давние и устойчивые традиции, то для русскоязычной философии этот тематический пласт все еще считается чуждым, не вполне относящимся к «собственно философскому». Здесь нам еще предстоит продолжить исследования в предложенном П.П. Гайденко направлении.

Проблемы рациональности и времени — еще две важные вехи деятельности Пиамы Павловны. В книге «Время. Длительность. Вечность» (2006) лейтмотивом обращения П.П. Гайденко к западноевропейской традиции становится проблема времени. Прочерчивая основные линии разработки этой проблемы от Античности и Средних веков к Новому времени и немецкой классике, автор задает вопрос о специфике современного типа философствования. «В постметафизической философии проблема времени — как чистой формы текучести, изменчивости, становления — оказывается ключевой философской проблемой»; «“Философия процесса” — вот, пожалуй, наиболее точное имя для философии XX в.»¹⁶. Полемический смысл этой идеи — а вместе с тем и внутренняя логика многолетних исследований автора станут более понятными, если мы обратим внимание на то, что в таких темах как наука, природа, время, рациональность, наука и общество П.П. Гайденко выходит на вопросы, ключевые для понимания философии. Она настойчиво ищет научно-культурные универсалии, которые позволили бы философии сохранить себя в современном мире.

К какой бы проблеме ни обращалась Пиамы Павловна, этот замечательный ученый, ей всегда удается сохранить свой стиль и ракурс исследования, свой хорошо распознаваемый «почерк». Сегодня, спустя несколько десятилетий после выхода первых работ Пиамы Павловны, значимость написанного ею вполне сохраняется. Как с экзистенциализмом, так и с идеей науки, рациональности или времени: влияние каждой из этих тем не прекращалось, всякий раз по-новому откликаясь в работах современников. Но если интерес к проблеме человека и его ответственности более-менее постояен, то с идеей науки все обстоит иначе. В последние годы мы очень хорошо узнали, что значит утрата идеи фундаментальной науки, ради которой П.П. Гайденко провела несколько серий исследований.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать: благодаря работам Пиамы Павловны был сделан важный шаг в эволюции российской философской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о жизни и интеллектуальном пути П.П. Гайденко см.: *Андреева И.С.* Русская Диотима. Пиамы Павловна Гайденко. Философы России второй половины XX века. Портреты. — М.: ИНИОН, 2009. С. 206 — 244.

² *Гайденко П.П.* Экзистенциализм и проблема культуры. – М.: Высшая школа, 1963; *Гайденко П.П.* Трагедия эстетизма. Опыт характеристики миросозерцания С. Киркегора. – М.: Искусство, 1970.

³ К вопросу национальных различий в интерпретации философских идей ср. также трактовку «кризиса» в работах П. Гайденко и Ж. Деррида: Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX – XX вв. От личности к традиции / отв. ред. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2013. С. 329 и след.

⁴ Знаковым событием стало то, что во втором томе этого издания (1962) Пиама Павловна была впервые названа (наряду с Э.В. Ильенковым, Ю.Н. Давыдовым и В.Б. Бирюковым) «внештатным научным редактором».

⁵ *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980; *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII – XVIII). – М.: Наука, 1987.

⁶ Воспоминания о тех временах см., в частности, в: *Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век. 1960 – 1980-е годы.* – М.: РОССПЭН, 1998.

⁷ *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. С. 5 и след.

⁸ См.: *Гайденко П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 350.

⁹ Связывая свое рассмотрение Античности и Средневековья, П.П. Гайденко подчеркивает, что речь идет «не о двух разных науках, а о двух этапах единого процесса развития научного знания» (*Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII – XVIII). С. 8).

¹⁰ См.: *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII – XVIII). С. 7.

¹¹ Сомневаюсь, чтобы в 60-е гг. в СССР могло быть воспринято «типично немецкое», узкоспециализированное фундаментальное исследование,

¹² В связи с этим можно упомянуть, к примеру, интерпретацию диалога «Парменид»: *Гайденко П.П.* Обоснование научного знания в философии Платона // Платон и его эпоха. – М.: Наука, 1979 (См. также: *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. С. 141 – 163).

¹³ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 1. – М., 1970. С. 285 – 385.

¹⁴ См.: *Философия Фихте и современность.* – М.: Мысль, 1979; *Парадоксы свободы в учении Фихте.* – М.: Наука, 1990.

¹⁵ *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991 (2-е издание: М.: УРСС, 2006).

¹⁶ *Гайденко П.П.* Время. Длительность. Вечность... С. 296.